

Т.В. Михайлова, А.В. Михайлов

СЕМАНТИКА ОЦЕНКИ И ПРИЧИНЫ В ДВУХЧАСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ С ИМЕННЫМ ПРИЧАСТИЕМ В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ ПОТЕСТАРНОЙ СЕМАНТИКИ XVI–XVII вв.: «ВНУТРЕННИЙ МИР / ВНЕШНИЙ МИР»

Рассмотрены конструкции с именным причастием из древнерусских текстов XVI–XVII вв., в которых обсуждаются события Московской Руси, приведшие к Смутному времени, и события периода Смутного времени. Авторы этих текстов сосредоточены на причинах и оценке явлений, лиц, на качестве царской власти и власти вообще. Выявлены грамматико-синтаксические модели для выражения причин и оценок. Определены чувства, которые побуждают героев текстов к тем или иным поступкам, оцениваемым негативно или положительно составителями текстов.

Ключевые слова: русская публицистика XVI–XVII вв.; Смутное время; оценка власти; выражение оценки; причинные отношения; именное причастие; двухчастные конструкции; внутренний мир человека; внешние действия персоны.

Публицистические тексты второй половины XVI – начала XVII в. насыщены разнообразными государственно-политическими идеями. Именно в этот период идет процесс закрепления иосифлянской модели власти, продолжаются дискуссии по осмыслению природы царской власти, осознания необходимости блюсти традиции, заложенные и в раннюю эпоху христианства, и в Киевский период существования Русского государства. Тексты же начала XVII в., посвященные смуте и различным «нестроениям» в жизни русского общества, вскрывая многие противоречия, назревшие в государстве, заново провозглашают те ценности, на которых изначально была «замешена» русская власть. Все это и делает данный период очень важным с точки зрения конструирования идеологических и других ценностных смыслов.

Категория причинности является важной смысловой категорией в русской средневековой идеологии. Идеи взаимосвязанности миров психических и духовных с миром внешним, физическим, миров небесных, «невидимых» с миром земным пронизывают всю древнерусскую культуру. Эти идеи касались и жизни человека, и жизни государства, что, несомненно, получало свое отражение и в древнерусских текстах.

Симптоматичны, например, даже названия произведений данного периода, ср. «Описание вин или причин, которыми кь погибели или кь разорению всякие царства приходить и которыми делами въ целости и въ покою содержатся и строятся» («Описание источников и причин, из-за которых все государства впадают в погибель и разорение, и [описание того], какими способами [они] содержатся в покое и в целостности и управляются». – Здесь и далее перевод с древнерусского сделан авторами данной статьи. – Т.М., А.М.). В этой повести представляется известное мнение: царства изменяются и погибают от главных причин: «...от злобы, хотения, гордости и неправды властелей и начальниковъ...» («...из-за злобы, желаний, гордости, несправедливости властителей и руководителей») [1. С. 242]. В подобных текстах важна была не только сообщаемая фактическая сторона происшедших событий, но и тот строй идей, который выражал авторскую оценку и позицию.

Идеи, отображенные в публицистических текстах Ивана Пересветова, автора двух Челобитных и «Ска-

зания о Магмете-салтане», продолжают линию исследования причин гибели государств. Падение Константинополя писатель видит в отсутствии правды в государственном управлении, что ведет за собой и отход от истинной веры: «Константин-царь велможам своим волю дал и сердце им веселил, они же о том радовались и неправду судили...» («Царь Константин своим велможам дал [много] свободы и радовал им сердце, они же обрадовались этому и судили неправо...») [2. С. 268]; «И с теми неправыми судьями во всем греки в ересь впади и ...во всем Бога прогневали» («И с теми неправедными судьями греки во всем впади в ересь... и прогневали во всем Бога») [Там же. С. 269].

Отсутствие правды в государственном управлении приводит к тому, что земля теряет Божье благословение и становится добычей лукавого. И.С. Пересветов говорит о правлении лукавого на греческой земле при полном бездействии православного царя: «...а царския грозы к ним не было» («а царской грозной власти над ними не было») [3. С. 616].

Если земной правитель никак не реагирует на неправду, то тогда настает пора для небесного правителя: «Всѣм Бога разгнѣвали» («Всем разгневали Бога») [Там же. С. 617].

Для древнерусского книжника взаимосвязанность и взаимообусловленность трагических событий и нравственной распушенности властных структур ясны как непреложный закон.

Спор между Иваном IV и Андреем Курбским также был связан с пониманием сущности царской власти. В полемике обсуждались вопросы духовно-нравственного соответствия царствующего лица представлениям обогочеловеческой природе власти. Хорошо известно, какое влияние на древнерусское сознание оказывали представления византийцев о природе имперской власти. В VI в. диакон Агапит сформулировал теорию о «богочеловеческой» природе власти василевса как образа Царя Небесного. Учение Агапита в дальнейшем развивалось в сочинениях преподобного Феодора Студита (IX в.). Сочинения Агапита и Феодора Студита неоднократно переводились и переписывались русскими книжниками XIV–XVI вв. и потому были хорошо известны русским публицистам XVI в. [4. С. 165–174, 350–359]. И царь Иван IV, и его подданный князь Андрей Курб-

ский, опираясь на византийское учение о власти и на представления самого Святого Писания, вырабатывают различные подходы к пониманию царской власти [5. С. 150–186; 6. С. 129–135].

Среди рассматриваемых нами текстов повести о Смуте начала XVII в. в своих названиях не содержат прямых указаний на причинность, не содержат перечня причин описываемых в них событий, тем не менее их содержание основывается на описании причин Смуты.

Смутное время – это время, когда «Московское государство испытало страшное потрясение, поколебавшее самые глубокие его основы» [7. С. 17]. Как известно, признаки Смуты стали тотчас обнаруживаться после смерти последнего царя старой династии, Феодора Иоанновича. Смута прекращается с того времени, когда земские чины, собравшись в Москве в начале 1613 г., избрали на престол родоначальника новой династии, царя Михаила. Исторические тексты первой половины XVII в., посвященные Смуте, «резко отделяются от предшествующих... повышенным интересом к человеческому характеру и новым к нему отношением» [8. С. 220].

Именно в названных произведениях их составители выступили как авторы, писатели, открыто заговорив о противоречии человеческого характера. В текстах появляются образ автора, авторское «я», и – что важно – личностная оценка событий и исторических деятелей. Мысль об открытии человеческого характера в текстах начала XVII в. впервые высказана О.А. Державиной в статье «Анализ образов повести XVII в. о царевице Дмитрии Угличском» [9].

Царь, разумеется, центральная фигура повестей Смутного времени, но древнерусское сознание воспринимает царя как представителя Бога на земле, так что тема царя одновременно есть и тема Божьего промысла, участия Бога в судьбах Руси. Все тексты данного периода написаны православными авторами. Православная картина мира накладывает свой отпечаток на причинно-оценочные отношения, проявляемые в древнерусских текстах властной семантики.

Связь между семантическими категориями причинности и оценки в текстах, посвященных описанию древнерусской власти, является и отражением историко-философских представлений древнерусского книжника, и отражением его языковой картины мира как православного христианина. Использование конструкций с семантикой причинности в оценочных высказываниях в древнерусских текстах потестарной семантики оказывается далеко не случайным, ибо русское средневековое мировоззрение связывает благополучие государства с наличием благодати в правителе. В этом нам видится глубинная суть взаимоотношений категорий причинности и оценочности в древнерусских текстах потестарного характера.

Возможность увидеть причинную связь между тем или другим событием, с одной стороны, и приписывание той или иной ценности чему-либо (событию, факту, субъекту), с другой стороны, связано с существованием в тексте автора высказывания. Известный исследователь субъективных смыслов в языке М.В. Ляпон считает, что «человеческий фактор (а

именно интерпретатор), являясь реальным актантом текста, определяет не только внутреннюю логику текста вообще... но и внутреннюю логику любого его коммуникативно завершенного отрезка» [10. С. 8]. Поэтому закономерным представляется, что при анализе категорий каузальности, уступительности, обусловленности, мотивированности ключевой категорией является категория оценки. Оценка, по мнению М.В. Ляпон, это прежде всего мыслительная процедура, операция умозаключения. Естественно, что реализация оценки в тексте означает, что в дотекстовом состоянии произведена интеллектуальная или эмоциональная «обработка» какого-либо потенциального фрагмента текста [Там же. С. 26]. Таким образом, значимость субъективного фактора при изучении категории причинности не подлежит сомнению. Изучение же оценки должно быть связано, например, хотя бы в поисках оснований оценки, позиций (точек зрения) оценки, способов выражения (или включения в текст) оценки с функционированием категорий сравнения, обусловленности, причинности и других.

Изучение семантики причинности в русской языковедческой науке связано прежде всего с изучением сложных синтаксических конструкций с союзным подчинением [11. С. 254–272; 12. С. 368–394; 13. С. 512–519; 14. С. 198–224]. Сложные логические отношения, возникающие между причинами возникновения определенной ситуации и оценкой этой же ситуации, могут выражать (и не реже, чем сложно-подчиненные предложения) другие типы синтаксических конструкций. Речь идет о паратаксисе и об осложненных простых предложениях с именными причастиями.

В данном исследовании автор рассматривает каузально-оценочную семантику высказываний с именными причастиями. Не вдаваясь в подробности обсуждения происхождения современного деепричастия (так начинают называть застывающие и застывшие формы именных причастий в азбуковниках и грамматиках с XVII в., и этот термин закрепился в последующих грамматиках, включая современные), отметим, что в современном русском языке деепричастие и деепричастный оборот среди ряда обстоятельственных значений могут выражать и каузативную семантику, что, видимо, не противоречит истории развития значения этих форм.

Во второй половине XVI в. указанные конструкции уже окончательно потеряли свою именную сущность и переосмысливаются как формы глагола, выражающие некое добавочное действие относительно основного.

Наблюдаемые нами в текстах XVI–XVII вв. конструкции с именными причастиями независимо от своей синтаксической позиции (употребляются ли с личным глаголом с союзом или без союза) наряду с временными признаками часто выражают и причинные отношения, складывающиеся между двумя ситуациями. Именные причастия нестрадательного залога указанного периода представляют собой неоднородную картину. По мнению исследователя, «в предложении они выполняли несколько разнородных функций» [14. С. 243]. Они могли быть предикатом в пред-

ложении, они могли входить в состав предложения с *verbum finitum*, предшествуя глаголу и соединяясь с ним союзом, а также могли иметь постпозитивную позицию и быть связанными с *verbum finitum* с помощью союзов.

К этому же времени благодаря развитию видовой семантики продолжают вытесняться и временные значения именных причастий. Как считают исследователи, при изучении деепричастий этого периода в первую очередь необходимо учитывать их принадлежность к виду. С точки зрения выражения каузальной семантики данными конструкциями, это представляется интересным, так как, по мнению С.Д. Никифорова, «при определенном лексическом значении (чаще всего при выражении психического или умственного процесса) деепричастие совершенного вида... может обозначать возникшее до действия глагола психическое состояние или умственное решение как причину основного действия, выраженного глаголом» [Там же. С. 274]. Он же отмечает, что «в положении после глагола деепричастие совершенного вида при определенном его значении может означать следствие основного действия, выраженного глаголом» [Там же]. Таким образом, возможности именных причастий для выражения каузативной семантики признаются лингвистикой довольно давно.

Более подробные наблюдения над семантикой рассматриваемых конструкций позволяет сделать направление, которое еще Л.В. Щербой названо «исследованием от смысла к форме».

Такой семантический подход к изучению предложения, осложненного конструкциями с именными причастиями, предполагает рассматривать данное предложение как диситивное или полиситуативное. Именное причастие представляет номинацию одной из ситуаций, представленных в сложном или осложненном предложении. Пропозиция как языковая экспликация ситуации, события, «положения дел» имеет в лингвистике достаточно долгую историю, но при изучении древнерусских текстов этот надежный «инструмент изучения диктума» [15. С. 8] еще недооценен. Простое предложение с осложнением или сложное предложение при наличии двух и более пропозиций воспринимаются в нашем исследовании как полипропозитивное высказывание.

В данном тексте анализируются имеющие каузативно-оценочные смыслы полипропозитивные высказывания, в которых пропозиции выражены *verbum finitum* и именным причастием настоящего и прошедшего времени в препозиции и постпозиции по отношению к личному глаголу.

Анализ древнерусских текстов второй половины XVI – начала XVII в. показывает, что наиболее частотным является использование конструкций с именным причастием в оценочно-каузативном состоянии в контекстах, описывающих внутреннее состояние субъекта. Для дальнейшего анализа используем деление высказывания на две смысловые части. Одна часть описывает ситуацию, связанную с тем, что происходит во внутреннем мире человека: в его душе, сердце, мыслях, т.е. мир психический и ментальный, а

другая часть репрезентирует мир внешний, физический, тот, что доступен наблюдению «со стороны».

То, что происходит в мире внутреннем, является причиной «внешнего» поведения человека, подталкивает человека к совершению благого или неблагого действия. Православная святоотеческая традиция, имеющая глубокие исторические корни в изучении души человека, обращает пристальное внимание на чувства и мысли человека, понимая, что именно они являются большей частью причиной совершения того или иного поступка. Категория оценки постоянно взаимодействует с выражением причинно-следственных отношений в анализируемых текстах. Интерес к изучению внутреннего мира человека в древнерусской литературе, как уже упоминалось, усиливается в период второй половины XVI в. и набирает особенно большую силу в начале XVII в. Древнерусский автор с позиций внимательного наблюдателя описывает то, что происходит в душе человека, так как именно это является причиной многих бед и несчастий или, напротив, благих событий, происходящих в стране, общественной жизни и личной жизни человека.

Далее на основе вышесказанного предлагается семантическая классификация каузально-оценочных высказываний с именными причастиями. Такое высказывание рассматривается нами как полипропозитивная конструкция, каждая из пропозиций которой может быть выражена и личным глаголом, и именным причастием.

В зависимости от смыслов, представленных в двух частях данных высказываний, выделяем три группы каузально-оценочных высказываний с именными причастиями. Эти части сопоставлены как оппозиции «внутренний мир / внешний мир», «внутренний мир / внутренний мир» и «внешний мир / внешний мир», т.е. одна пропозиция описывает внутренний мир человека, другая – его действия в мире внешнем, либо первая пропозиция описывает внутренний мир человека, другая – его чувства, действия в мире внутреннем, либо – первая пропозиция описывает то, что происходит в наблюдаемом экстерьере человека и в его действиях, а другая – его действия также в мире внешнем.

Необходимо отметить, что противопоставление, сопоставление, рассмотрение соотношения материального в человеке, плоти, тела и его духовного облика (сердца, души, ума, разума, совести) в древнерусских текстах приводит исследователей к выводам о неразрывности связи Тело – Душа. Как пишет Г.М. Прохоров, «...человек здесь [на земле] не существует без своей “материальной матрицы” и всегда – в Прошлом, Настоящем и Будущем – остается причастным и интеллектуальному, и материальному» [16. С. 87]. Представления о человеке, его естестве, врожденном в нем и приобретенном, в древнерусской литературе с XI по XVIII в. развиваются, причем по различным путям, и «самовластье» человека в ряде произведений XVII в. характеризуется как этап эмансипации от сугубо религиозных взглядов, что обосновывает Л.А. Черная [17. С. 138–149]. Она же дает оценку борьбы и сотрудничества «внешнего» и «ду-

шевного» (=внутреннего) [противопоставление взято ею из сочинений Ивана Грозного] в человеке по описаниям древнерусских книжников [Там же. С. 150–151].

В настоящей статье далее подробно рассмотрим первую группу – оппозицию «внутренний мир / внешний мир». В последующих публикациях будут проанализированы другие две названные выше группы каузально-оценочных высказываний с именными причастиями.

Внутренний мир / внешний мир

Семантика типа двухкомпонентных высказываний с данной оппозицией строится следующим образом. Одна пропозиция описывает внутренний мир человека, другая – его действия в мире внешнем. Внутренний мир включает в себя описание того, что происходит в сердце человека, его душе, что он чувствует, что он думает. В зависимости от этих аспектов выделяются следующие семантические подтипы: душа / внешний мир; чувство S (субъекта) / действие S; желание S / внешний мир; мысленный мир / действие. Описанию семантики названных подтипов посвящена дальнейшая часть исследования.

1. Душа / внешний мир. При описании души и сердца человека древнерусским книжником используются предикаты бытия и обладания, что в соединении с оценочной лексикой позволяет автору высказывания эксплицировать положительную или отрицательную оценки. Например, «Душу же имѣя нескверно» («Душу же сохраняя неоскверненной») [18. Стб. 871].

Душа и сердце могут быть репрезентированы как некие субстанции, которые можно охарактеризовать с точки зрения наличия или отсутствия в них определенных качеств. Этой семантике соответствует предложно-падежная форма, служащая в языке для экспликации объекта, – Вин. п. без предлога. Этот объект человек в силах изменить. В наших примерах представлены изменения к худшему, например человек может сделать свою душу пустой, суетной, «тщетной»: «Той же чернецъ, по наученію дьяволу, **отщетивъ свою душу**» («Тот же монах-(черноризец) по дьявольскому научению свою душу опустошил») [19. Стб. 569].

Другой способ представления понятий души и сердца – описание их как локатива, т.е. места, в котором оцениваемые качества присутствуют, развиваются, растут, исчезают. Локатив эксплицируется в языке с помощью местного падежа с предлогом. Например, «и **мерзость заустѣнія въ сердце имѣя**» («имея мерзостное заустение в своем сердце», или же – «имея идолов пустых вместо Бога в сердце своем» [ср. в Библии в Кн. пророка Даниила, гл. 9, ст. 27]) [20. Стб. 536].

При классифицировании высказываний данного типа учитывался признак «постоянное качество / изменение качества». Описанные смыслы каузируют ситуации, представленные другой частью высказывания.

Дальнейшая классификация высказывания зависит от типа «следственной» части. Обе семантические части высказывания могут быть выражены и личным глаголом, и именным причастием, что, возможно, говорит о восприятии авторами текстов этих глагольных форм как грамматически и синтаксически однородными.

1.1. Качества души S / результат, который получает S. Причинной частью является предикативная единица (ПЕ), описывающая душевные качества S, а ПЕ, описывающая результат, который получает S в награду или в наказание, является следственной частью. Причинно-следственная связь в этом высказывании эксплицирует оценочную позицию автора: «Душу же **имѣя нескверно, отъ житія премѣнися, отъ земныхъ въ горняя возлетѣ**, крылѣ имуще обогранны кровію» («Душу же имея чистую, свою жизнь изменил, от земного в(о)злетел к вышним, крылья же имея обогранные кровью [как у разбойника]») [18. Стб. 871].

1.2. Качества души S / действие. В данных высказываниях качества репрезентируются различным образом. В высказывании выше оценочность передается с помощью словосочетания имен существительных, главное слово в котором представляет собой отадекватное имя качества, а зависимое – стоит в форме родительного падежа со значением «принадлежности» (см. о подобном косвенном выражении оценочности в русском языке исследование Г.А. Золотовой [21]). В высказывании, процитированном из [19. Стб. 569], качество выражено самым обычным для русского языка образом – качественными именами прилагательными в сочетании с нулевой бытийной связкой. Действие, которое совершает субъект во второй части высказывания, каузировано, с точки зрения древнерусского автора, отрицательно оцениваемыми качествами души этого субъекта. В описании действий есть и дескриптивный элемент, и оценочный. Например, «...и **мерзость заустѣнія въ сердце имѣя**, и остротою смысла, ученіемъ книжнымъ себе давно искусивъ, и **оскверни престоль царскій**» («и [в итоге] осквернил царский престол, имея мерзость заустения в сердце, [обладая] острым умом, будучи искушенным в книгах») [20. Стб. 536]; «Злоковаренъ же и прѣлукавъ, въ милостивнѣ образѣ дѣлъ свою злобу ото всѣхъ **крыя, злолютствомъ** въ прикровеніи злобы своя благороднѣйшихъ себе во царство **превозшедь**, всѣхъ **оболстивъ**, еже послѣди» («[будучи] злобно коварным, лукавым, скрывая ото всех свою злобу под [мнимо] милостивым образом дел, превзойдя в стремлении к царствованию более благородных [чем он,] по своей злой лютости и прикрывая злобу свою, [что и оказалось] потом») [22. Стб. 293].

1.3. Изменение качества души / действие как результат этого изменения. В данной группе примеров в той их части, которая несет смысл «изменение качества души», можно наблюдать использование глагольных лексем «отщетивъ» («опустошив»), «вознесся», значение которых включает в себя сему «процессуальность». Изменения, происходящие в душе и сердце субъекта, являются прямой причиной совершения действия. В анализируемых высказываниях

изменения душевных качеств имеют отрицательную оценку. Дескриптивные лексемы «отъиде» ('отошел'), «отоиде» ('отошел'), «собрався» ('собравшись'), «пойде» ('пошел'), не имея эксплицитной оценочной семантики, включаются в конструирование общеотрицательной оценки, опираясь на культурно-прагматические фоновые знания адресата и автора. Необходимо отметить, что в высказывании из [22. Стб. 293] во второй его семантической части присутствует прямая оценка, выраженная квалификативной аппликацией «ко тмѣ уклоняется» ('уклоняется к темному (тьме)'), которая «накладывается» на дескриптивный глагол «отоиде».

В ряде рассматриваемых примеров отмечаем, что во второй части высказываний 'действие как результат этого изменения' присутствуют глаголы с семантикой движения. Траекторию движения субъекта и создает изменение, произошедшее в его душе: «Той же чернецъ, по наученію дьяволу, **отщетивъ свою душу и оставя пречестную обитель, отъиде во страну Сиверскихъ градовъ...**» ('Тот же черноризец-монах [Григорий Отрепьев], опустошив свою душу и оставив пречестную обитель, направился в сторону Северских городов [=городов Северной земли]') [19. Стб. 569]; «Онъ же окаянный, **видя такое ихъ склонение и почитание себѣ, наипаче вознесся въ своемъ лукавомъ сердцѣ и собрався** со многими людьми... **и пойде** въ вотчину хъ пану Адаму Вишневецкому» ('он же окаянный [Григорий Отрепьев], наблюдая такое почитание со стороны людей и приближение их к нему, выше и выше вознесся в лукавом своем сердце, и собравшись со многими людьми, пошел во владения к пану Адаму Вишневецкому') [23. Стб. 799].

2. Чувство S / действие S. В этом выделяемом нами семантическом подтипе высказываний важным является то, что каузатором действий субъекта являются его чувства. Данные высказывания, как и описанные выше, состоят из двух семантических частей. В одной из частей описывается чувство, эмоциональное состояние субъекта, в другой – то действие, которое совершает человек под воздействием своих чувств. По нашим наблюдениям, как правило, для описания эмоций используются именные причастия, а для описания вызванных ими действий – личные формы глагола.

Каузативные отношения тесно переплетены с временными. По понятным причинам, чувство, каузирующее действие, должно предшествовать действию, поэтому часть высказывания 'чувство' по времени, как правило, предшествует второй части. С точки зрения расположения этой части в высказывании можно отметить, что препозиция является более частотной, что соответствует реальному положению дел, см. пример из [24. Стб. 740], но вполне допустима и постпозиция, см. пример из [23. Стб. 809], так как семантика причины правильно воспринимается адресатом, независимо от места расположения в тексте ее репрезентатора: «Окаянный же Рострига **разъярися яростію отъ всего своего мерскаго темнаго сердца, и гнѣвомъ великимъ дыхая, повелѣ** митрополита сослать въ Казань, и тамо повелѣваетъ съ него святительскій санъ сняти и въ монастырь заточити...

(«окаянный же расстрига [Григорий Отрепьев] распалился яростью своего мерзкого сердца тьмы, и дыша большим гневом, повелел митрополита сослать в Казань, а там повелел снять с него сан святителя и заточить в монастырь») [24. Стб. 740]; «А которые его знающе и вѣдающе, и **тѣ умолкли въ тѣ дни, бояся страха и смерти**» ('те же, кто его знали и ведали [кто он], и те умолкли в те дни, боясь угроз и смерти') [23. Стб. 809].

К более редким случаям можно отнести высказывания, в которых две семантические части являются одновременными. В примере ниже из [25. С. 42] действие двух субъектов, представленное имперфектом «скакаше» ('скакал'), происходит одновременно с действием, выраженным именным причастием «бесящися» ('бесясь'). Второстепенное действие в первую очередь выражает эмоциональное состояние субъектов, в котором совершается их основное действие, выраженное предикатом движения. Но семантика высказывания допускает интерпретировать описанную ситуацию еще и так: 'состояние бешенства послужило причиной быстрого движения субъектов по различным территориям': «князь Семень Бѣлской да Иванъ Ляцкой оттекоша в Литву и камо ни **скакаше бесящися**, – въ Царьградъ, и в Крымъ, и в Нагаи, и отовсюду на православие рати **воздвизающе**» ('князь Семен Бельский и Иван Ляцкий убежали в Литву и куда бы ни скакали, бесясь, они, – в Царьград, и в Крым, и в Ногайской [Орде], [там] отовсюду против православия войну начинали') [Там же].

Далее проанализируем, какие чувства и переживания героев, согласно представлениям древнерусских авторов, служат причиной совершения ими тех или поступков. При экспликации в тексте определенного эмоционального концепта автор имеет возможность выразить категорию оценки.

Как уже не раз отмечалось нами, в построении оценки эмоциональные смыслы могут играть активную роль в связи с особой природой лексем с оценочной семантикой. Оценочные слова не дескриптивны, ибо «для того, чтобы оценить объект, человек должен "пропустить" его через себя: природа оценки отвечает природе человека. ...Оценка представляет человека как цель, на которую обращен мир. В этом смысле она телеологична» [26. С. 59]. В идеализированную модель мира входит и то, что уже есть, и то, к чему человек стремится. Оценочное высказывание в результате стремления к идеалу включает, помимо собственно оценочных концептов *хороший / плохой, добро / зло*, также концепты, связанные с эмоциями человека – *любовь, ненависть, печаль, веселье* и пр.

2.1. Любовь и ненависть. Одними из важнейших эмоциональных концептов являются *любовь* и *ненависть*. Важность этих понятий в православии бесспорна и аксиоматична. Для нашего же исследования важно подчеркнуть, что эти эмоции могут послужить причиной совершения человеком благих либо неблагих действий и поступков. Например, по мнению автора XVII в., любовь героев повести к жизни «привременной», т.е. земной, невечной послужила причиной убийства «отроча» ('отрока'). Или, как видно по [27. Стб. 485–486], книжник видит причину того, что «тво-

ряше царь Борисъ» ('делал царь Борис'), в его любви к неблагому объекту: «...и почитая и любя иноязычниковъ паче священноначалствующихъ... Они же окаяннии, **послушавъ** властолюбиваго повелѣнія, и **возлюбивъ** привременную жизнь имѣти паче, нежели вечное блаженство, **оболстивъ** отроча и мать его ласканіемъ мудрованія ихъ кипящихъ въ нихъ, и **уклонися** съ нимъ въ мѣсто нѣкое, якобы ко утѣшенію достойно, и **заклаша** его, яко незлобива агнеца» ('и почитал и любил людей из других народов более, нежели священноначальников [=священников]... Те же окаянныи, внявъ повелению [дьявола] и стремлению к власти, возлюбили временную [земную] жизнь более, нежели вечное блаженство, обманув дитя и его мать ласками замыслов своих, в них кипящих, и уединились с ними в место, где бы можно было достичь покоя и тишины, и убили его [Дмитрия], как беззлого агнца') [18. Стб. 851]; «Се же творяше царь Борисъ, **боясь враговъ околнихъ**, держащаго же языки словомъ нелѣнія своего **не бояся, и почитая и любя** иноязычниковъ паче священноначалствующихъ; вельможи же его отъ иноземцевъ подсмѣваеми бываху» ('творил же это Борис, боясь врагов [будто бы] ближних, а тех, кто придерживал язык свой, не боясь, и оказывая честь и любя людей из других народов более, нежели священников, и вельможи его бывали в насмешках от иноземцев') [27. Стб. 485–486].

В духовной жизни существуют свои законы, создающие определенные корреляции чувств и поступков. Для древнерусского автора они незыблемы. Если человек любит благое, то эта любовь «подталкивает» его к совершению благих поступков, и, наоборот, любовь к неблагому объектам является причиной неблагоприятных действий.

Что касается такого чувства, как «ненависть», то по тем же духовным законам это чувство может каузировать положительные и отрицательные поступки. В представлении древнерусского автора ненависть может порождаться другим чувством – яростью, которое почти всегда в анализируемых текстах имеет отрицательную оценку, см. об этом ниже. Эти два чувства, последовательно эксплицированные в тексте, увеличивают интенсивность оценки в высказывании. «Зѣлная ярость» ('сильная ярость') властителя является причиной возникновения ненависти к своим подданным, что в свою очередь, в интерпретации Ивана Тимофеева, послужило причиной совешения царем неблагоприятных деяний: «Отъ умышленія же зѣлныя ярости на своя рабы **подвигся** толикъ, яко **возненавидѣ** грады земля своя вся и во гнѣвѣ своемъ раздѣленіемъ раздвоенія едины люди **раздѣли** и яко двоевѣрны сотвори» ('из-за мыслей своих в сильной ярости на своих служителей настолько, так что возненавидел все города земли своей и в гнев своем единый народ свой разделил надвое и сделал людей как бы двоеверными') [22. Стб. 271].

2.2. *Гнев и ярость.* В христианстве эти чувства на духовном пути человека представляются очень опасными и могут быть причиной тяжких грехов. Иван Васильевич IV в письме князю Андрею Курбскому эту причинно-следственную связь четко проясняет: «...и **на чловѣка възъярився**, на Бога возсталъ еси»

(«и на человека разъярившись, на Бога восстал [ты]») [25. С. 26].

Категория оценки проявлена в этом примере и в причинной части, выраженной в форме именного причастия, и в следственной, представленной перфектной глагольной формой.

Отрицательную коннотацию имеют анализируемые понятия и в рассмотренном выше примере из [22. Стб. 271] – «отъ умышленія же зѣлныя ярости» ('из-за мыслей [своих] в сильной ярости').

2.3. *Страх, боязнь, ужас.* Эмоции, связанные с семантическим полем 'страх', имеют амбивалентную оценочность в древнерусских текстах. «Страх Божий», идущий от законов Ветхого Завета, так же как и стыд, может каузировать человека на совершение благого. Отсутствие этих чувств оценивается как резко отрицательное состояние субъекта. Отсутствие боязни и отсутствие стыда воспринимаются автором оценочного высказывания как синонимы. Отсутствие этих чувств («не устыдѣвся нимало, ниже убоявся безсмертнаго Бога») является причиной совершения Расстригой греховного поступка – введения лютеранки в православную церковь и венчания с ней: «И не прія въ сытость сицеваго бѣсовскаго яда, прія себѣ въ жену Люторскія вѣры невесту Маринку и, **не устыдѣвся нимало, ниже убоявся безсмертнаго Бога, ввелъ ея некрещену** въ соборную апостольскую церковь Пресвятыя Богородицы и вѣнчавъ ея царскимъ вѣнцемъ» ('И не насытившись этакого бѣсовскаго яда, взял в себе в жены невесту лютеранской веры Маринку [Марину Мнишек] и, не устыдившись нисколько, и не убоявшись бессмертного Бога, ввел ее некрещеной в соборную апостольскую церковь Святой Богородицы и венчал ее царским венцом') [19. Стб. 226].

Отсутствие страха перед человеческим субъектом может оцениваться как положительное чувство: «И много ему бысть отъ оного Ростриги прешенія смертнаго и жестокихъ словесъ; онъ же, яко крѣпкый поборникъ, **никако сего ужасеся, непрестанно его божественнымъ Писаніемъ укаряя**, – и за сія заточень бысть» ('и много он [Патриарх Гермоген] претерпел от того расстриги [Григория Отрепьева] угроз смертных и жестоких слов, но он [Патриарх Гермоген], как крепкий поборник [веры православной], нисколько этого не ужаснулся, непрестанно его [Григория Отрепьева] укорял Божественным Писанием, и за все это был заточен') [Там же. Стб. 583].

Чувство страха перед человеком, и тем более преступником и «вором», может быть отрицательной характеристикой человека, особенно занимающего царственное место: «[объявился Григорий Отрепьев] его же страха слухомъ Борисъ, прегордый предъ малѣмъ и царствуяй нами, **ужаснувся** того стремленія, съ высоты престола царствія **низвержеся**» ('от страха перед [Григорием Отрепьевым] Борис, гордящийся перед малыми [людьми] и царствуя над нами, ужаснулся перед стремлением [Григория Отрепьева к власти], с высоты престола царствования низвергся') [22. Стб. 366].

Дьяк Иван Тимофеев связывает чувство ужаса Годунова перед Лжедмитрием с его быстрым падением

(«съ высоты престола царствія низвержесе»). В последующих высказываниях автор поясняет главную причину этой ситуации – понимание Борисом собственной несправедливости и нелегитимности своего прихода к власти.

Возбуждение различных чувств, в том числе и страха, может служить задачам «продвижения» человека на его духовном и нравственном пути. Князь Иван Андреевич Хворостинин, описывая восстание бояр и простых людей против царя Василия Шуйского, приводит пример защиты царя патриархом Гермогеном: «Охрабряясь божественными словесы и утѣшительным огнемъ...» («воодушившись божественными словесы и огнем утешителя...»), «правосудный хранитель» с помощью «страха Божьего» пытается вразумить толпу: «...овогда страхомъ уязвляшеся треволненія людскаго шатанія, овогда безстрастіемъ украшаешся, словесную кормлю челоуѣкомъ неоскудно подавая, овѣхъ же наказаніемъ поучая, ко благочестію наставляя, подражая Владыцѣ Христу, кроткаго Учителя кроткій ученикъ, кротостію наказуя люди Божія по преданному уставу» («иногда страхом был уязвлен треволнения из-за метаний толпы, иногда украшался бесстрастием, подавая словесное окормление людям неоскудевающее, кого-то поучая словами, наставляя к благочестию, подражая Владыке Христу, кроткого Учителя кроткий ученик, кротостію обучая людей Божьих по завещанному уставу») [20. Стб. 545].

Как видим, в первой части высказывания «чувства» представлены действия субъекта по возбуждению чувства страха и состояния бесстрастности. В тексте эти действия представлены с помощью личного глагола. Конструкции с именными причастиями «словесную кормлю челоуѣкомъ неоскудно подавая», «наказаніемъ поучая, ко благочестію наставляя» и подобные выражают полисубъектность высказывания. С точки зрения воздействующего субъекта в значении этих конструкций есть целевая семантика, с точки зрения адресата (разбушевавшейся толпы) эти конструкции есть желаемое следствие, каузированное первой частью высказывания.

Рассмотрим более редкий случай среди высказываний анализируемого семантического подтипа. Выражение чувств в высказывании является следствием того, что описано в части «действие», поэтому конструкции с именным причастием, эксплицирующие эмоциональную семантику, стоят в постпозиции по отношению к аористу «вниде» («вошел»), описывающему каузативное действие. Субъект получает плохое известие и вследствие этого начинает испытывать подобающие истинному православному чувства. Категория оценки проявлена в виде авторского комментария, представленного в относительном придаточном «иже таѣхъ сродству достойныя и царскимъ разумомъ, премудростію украшенныя» («таких [людей царского] сродства достойные и и царским разумом, премудростію украшенные»), в котором обсуждаются уместность и образцовость царского поведения: «Такое возвѣщеніе егда же о безгоднѣй смерти брата въ царскія слухи самобратнаго Феодора еще вниде, тогда царь, во братскій на жалость подвигъ естеству

того понужающу, **возстанавъ отъ скорби зѣло и прослезил** умильные глаголы, иже таѣхъ сродству достойныя и царскимъ разумомъ, премудростію украшенныя, **испусти**» («когда таковая весть о безвременной смерти брата [Дмитрия] в царский слух его брата Федора вошла, тогда царь, понуждаемый природой своей к жалости о брате, восстав сильно от скорби и прослезился [с] умильными словами, которые пристойны [и достойны] родства и царского разума, премудростію украшенные») [22. Стб. 295].

Действие, выраженное в форме именного причастия, может быть представлено и как следствие, и как индикатор внутреннего состояния субъекта: «Днесъ же вси православніи людие **радуемся и веселимся, хваля славя** искони безначалнаго превѣчнаго Бога нашего, даровавшаго намъ по всещѣдрому хотенію своему такового благочестиваго государя царя и великаго князя Василия Ивановича, всеа Русіи самодержца, истиннаго заступника и пастыря словеснымъ овцамъ своимъ, а не наемника» («Ныне же все православные люди [будем] радоваться и веселиться, хваля [и] славя искони безначального превечного Бога нашего, даровавшего нам по своему всещедрому хотению такового благочестивого государя отца и великого князя Василия Ивановича, всея Руси самодержца, истинного заступника и пастыря овцам своим, а не наемного [работника]») [29. Стб. 64].

3. Желание S / внешний мир. Как отдельный семантический подтип мы выделяем высказывания, в которых одна из частей имеет значение «желание».

В семантической структуре концепта желания, также как и в концепте любви, присутствует целевая семантика. По мнению Е.М. Вольф, «при предикатах желания событие оценивается как положительное для субъекта желания, при выражениях нежелания как отрицание» [30. С. 125]. На наш взгляд, выражение оценки с помощью эмоциональных концептов в реальном языке намного сложнее. Автор оценочного высказывания может, исходя из своих этических представлений, оценивать самого субъекта высказывания на основании того, чего он *желает / не желает*. В текстах XVI–XVII вв. оценочные высказывания с использованием эмоциональных концептов основаны на едином представлении автора-составителя и адресата текстов о том, *чего* именно должен человек *желать* и *чаять*, и от *чего* следует уводить свои желания, устремления, чувства.

Представления о предмете желания, как, впрочем, и о предмете любви, примерного христианина вводились в древнерусские тексты с XI в., поэтому можно говорить, что (положительные и отрицательные) герои анализируемых текстов испытывают в каком-то смысле уже заданные позицией автора-составителя эмоции. Святоотеческая традиция воспитания примерного христианина предполагает необходимость пристального внимания человека к своему внутреннему миру, в том числе и к миру своих желаний. Человек может желать небесного и земного.

3.1. Желания, связанные с высшим миром. Желания, направленные на высший или, как говорится в древнерусских текстах, «горній» мир, являются самым надежным путеводителем и в мире земном. Об

этом говорит автор «Иного сказания», объясняя причины стойкого сопротивления монахов Симонова монастыря разбойникам «Илейке Горчакову да Иванку Исакову Болотникову». Им подчинились и «обольстили» их ложью много городов («и Черниговъ, и Муромескъ, и Курескъ, и Стародубъ»), но иноки Симонова монастыря оказали им сильнейшее сопротивление, так как «высокихъ небесныхъ ища, а не земныхъ» («ища высшего и небесного, а не земного»): «Иноцы же образъ смиренномудрія **ношаше**, высокихъ небесныхъ **ища**, а не земныхъ, и **не чюя ихъ ласканія и прелести**, но **ставше** крепко во православной вѣрѣ христїанской и по благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Василии Ивановичѣ всеа Русїи крепко **стояти и битися** съ ними до смерти, а **не здатися** имъ, и **укоряюще и обличающе** ихъ безумную прелесть» («иноки же носили образ смиренномудрия, взыскупя высокого небесного, а не земного, и не чюя их [врагов] ласковости и [попыток] прельстить, но став крепко за православную веру христїанскую и за благоверного царя и великого князя всеа Руси Василия Ивановича, крепко стояли и боролись с ними до смерти, а не сдавались им [врагам], но не сдавались им, укоряя и обличая их безумный обман») [29. Стб. 100].

Интересно отметить, что в приведенном выше примере ситуации, представленные имперфектом «ношаше» («носил») и именными причастиями «ища» («взыскупя, ища»), «не чюя» («не ощущая»), бесспорно, взаимообусловлены, но сложно определить, какая ситуация является причиной, а какая – следствием. Автор же нижеследующего высказывания, конструируя образ праведного царя Феодора Иоановича, объясняет его нежелание заниматься государственными делами именно сосредоточенностью царя на мире ином, т.е. желания правителя являются причиной невыполнения им властных действий: «...и государь царь кроткой и милостивой избывая мірской суеты и докуки, понеже бо земнаго не помышляя, но **небеснаго желая**, милосердіемъ своимъ и челоуѣколюбіемъ ко всѣмъ отказывает, и отсылаетъ ихъ милостиво къ преждедеченному своему боярину Борису Годунову» («...и государь царь кроткий и милостивый, избегая мирской суеты и доук, поскольку о земном не помышляет, но желая небесного, милосердіем и челоуколюбіем ко всем [людям] отказывает, и отсылает их милостиво к вышеназванному своему боярину Борису Годунову») [23. Стб. 762].

3.2. *Желания, связанные с земным миром.* Категория оценочности, эксплицированная в данном типе высказываний, связана с той системой ценностей, которая присутствует в менталитете русского человека XVI–XVII вв.

Желание доброй славы – одно из самых распространенных желаний человека в анализируемых текстах. Ради исполнения этого желания человек может совершить различные действия, что и можно видеть в данном типе высказываний: «И той же Борисъ, **коварень зѣло и видя людей печальныхъ** по домѣхъ своихъ и **хотя** окаянной молву укротити, чтобъ про него молвы худой не было, и **тотчасъ велѣлъ въ Москвѣ переписать**, сколько дворовъ погорѣло» («и тот же Борис, будучи весьма коварным и видя людей

печальных [озабоченных] в домах их, и желая, окаянный, утишить молву [и ропот], чтобы про него [Бориса] слухов плохих не было, и тотчас велел в Москве переписать, сколько дворов погорело») [23. Стб. 780]; «Яту же бывшу Урусу отъ первыхъ началствующихъ князей Нагайскихъ, той же лукавъ, царь же Борисъ **хотя славою своею**, а не яростію, въ предъидущая времена укрепить того врага, и **повелѣ** во вся царская сокровища водить его и показывать вся» («Был же схвачен [когда] Урус из первых наиважнейших князей Ногайских, тот же лукавый царь Борис хотел славою своею, а не яростію, сначала подбодрить того врага [Уруса], и повелел во все царские сокровища водить его и показывать все») [27. Стб. 487].

Как видим, древнерусские авторы внимательно наблюдают, какие желания заставляют героев повестей совершать те или иные поступки. Если благое действие во «внешнем» мире совершается из греховных побуждений, то отрицательная оценка «внутреннего» мира делает общую оценку отрицательной. Именно в этих высказываниях проявляется еще и семантика коварства («коварен», «лукав», «прельсти»), показывающая настоящую сущность царя Бориса.

Желать можно откровенно греховного, и в таком случае желание как каузатор неблагого действия становится интенсификатором оценки.

Предикаты желания в сочетании с негацией создают образ правителя – защитника и охранителя от всяких бед, к примеру, от «разоренія» христїан и «кровопролитія».

Желание чести – ценность, идущая из глубины веков древнерусского общества и относящаяся к основным понятиям еще дохристїанской Руси. Именно к этим ценностям отсылает царь Иван Васильевич в своем ответном письме боярину Андрею Курбскому, объясняя ему, за что воевали подданные царя: «...понеже убо иное за **православие пролиали есте** кровь свою, ина же, **желая чести и богатства** («поскольку это иное [, если] за православие пролили [вы] кровь свою, и иное, [если вы сделали это], желая славы и богатства») [25. С. 66].

3.3. *Желание и результат.* Желание подталкивает человека на совершение определенных действий, приносящих тот или иной результат. В высказываниях с «результативной» семантикой часто используется форма аориста, которая, как известно, с середины XVI в. получает значение результативного вида [14. С. 150], как, например, в высказывании ниже аористная форма «получи» («получил»): «Царь убо **Борисъ мысля храмъ новъ воздвигнути** во имя Воскресенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и **по образу содѣланному смѣтивъ**, готовяше много много жество къ созиданію праведнаго, а неправеднаго собранія, и **хотя Устинїяну уподобитися**, но Маврикіеву часть **получи** («Царь же Борис, задумав новый храм построить во имя Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, и по образу, сделанному [ранее], сметил, подготавливал большое множество к созданию праведного, а [в итоге] неправедного собрания, и хотел уподобиться Юстиниану, но получил участь Маврикия») [27. Стб. 522]. Результативность проявляется и в использовании формы перфекта

«погибли», образованного от основы совершенного вида. Семантика приведенного ниже высказывания состоит в том, что человек рассчитывает на один результат, а получает другой, и именно на таком противопоставлении конструируется авторская оценка. Категория оценочности может проявляться и в другом виде сопоставления: что субъект хотел, то и получил, – при использовании такого приема выражения оценки автор высказывания обсуждает качество желаний субъекта: «Всѣ мы, **того ищучи, въ томъ и погibli**: аще бы того не искали, всѣ бы отъ Бога не отпали и душами и тѣломъ не пали и не пропали» («Все мы, ища чего-либо, из-за того и погибали, а если бы не искали того [, чего не надо было], все бы от Бога не отпали и душами и телом не пали и не пропали [бы]») [31. Стб. 216].

Таким образом, желание понимается древнерусским автором как важный индикатор нравственного и духовного развития человека. Особенно важно иметь правильные желания, если речь идет о правителе и о приближенных к власти. Желания, связанные с миром небесным, формируют правильное восприятие человеком условий и обстоятельств земной жизни. Семантический тип рассмотренных оценочных высказываний допускает использование и именных причастий, и личных форм глагола в обеих частях высказывания. Наши примеры показывают, что независимо от позиции в высказывании, часть «желание» является причиной действия, представленного во второй части высказывания. Категория оценочности может присутствовать в обеих частях, но наиболее весомой оценкой является

оценка желаний человека, поэтому общая оценка высказывания «выводится» на основе этой части высказывания.

Итак, семантика каузации и оценочности выражена в анализируемых текстах взаимосвязанным образом. Категория причинности, эксплицированная в древнерусских текстах, проистекает из основополагающих православных представлений о Добре и Зле, чем и объясняется постоянная связь с категорией оценочности. Древнерусские книжники выстраивали оценку описываемой действительности, опираясь на свои комментарии, хорошо понятные читателям как людям одного культурного кода. Держать душу и сердце в чистоте – основное условие для благополучной жизни не только человека, но и всего государства. Для выражения этого сложного комплекса кауально-аксиологических идей оказались востребованными высказывания с именными причастиями.

В настоящей статье рассмотрена группа пропозитивных конструкций с именными причастиями, в которых представлена оппозиция «внутренний мир / внешний мир». В следующих статьях предполагаются описание и анализ других двух названных выше групп кауально-оценочных высказываний с именными причастиями, где: 1) первая пропозиция описывает внутренний мир человека, другая – его чувства, действия в мире внутреннем; 2) первая пропозиция описывает то, что происходит в наблюдаемом экстерьере человека и в его действиях, а другая – его действия, проявляющиеся также во внешнем мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салмина М.А. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. X. С. 332–352.
2. Пересветов Иван. Сказание о Магмете салтане // Хрестоматия по древней русской литературе / сост. Н.К. Гудзий. М. : Просвещение, 1973. С. 267–273.
3. Сочинения Ивана Семеновича Пересветова: Большая челобитная Пересветова // Памятники литературы Древней Руси: конец XV – первая половина XVI века. М. : Худож. лит., 1984. С. 602–624.
4. Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. 536 с.
5. Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М. : РГГУ, 2003. 382 с.
6. Лурье В.М. Русское православие между Киевом и Москвой. Очерк истории русской православной традиции между XV и XX веками. М. : Три квадрата, 2010. 295 с.
7. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории. Ч. 3. М. : Мысль, 1988. Т. 3.
8. Лихачев Д.С. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. Т. VIII. С. 218–234.
9. Державина О.А. Анализ образов повести XVII века о царевиче Димитрии Угличском (из диссертации «Повесть XVII века о царевиче Димитрии Угличском») // Ученые записки Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина. Т. VII. Кафедра рус. лит-ры. М.; Л. : МГПИ, 1946. Вып. 1. С. 21–34.
10. Япон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М. : Наука, 1986. 199 с.
11. Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М. : Учпедгиз, 1953. 367 с.
12. Ломтев Т.П. Очерки исторического синтаксиса русского языка. М. : Учпедгиз, 1956. 596 с.
13. Коротаева Э.И. Союзное подчинение в русском литературном языке XVII века. М.; Л. : Наука, 1964. 250 с.
14. Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. М. : Изд-во АН СССР, 1952. 342 с.
15. Шмелева Т.В. Субъективные аспекты русского высказывания : дис. в виде науч. доклада ... д-ра филол. наук. М. : МГУ, 1995. 35 с.
16. Прохоров Г.М. Памятники переводной и русской литературы XIV–XV вв. Л. : Наука, 1987. 288 с.
17. Черная Л.А. Взгляд на человеческую природу в древнерусской литературе // Древнерусская литература: изображение природы и человека. М. : Наследие, 1995. С. 127–157.
18. Повѣсти князя Семѣна Ивановича Шаховского // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 837–876.
19. Повѣсть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского по списку Императорской Публичной библиотеки // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 559–624.
20. Повѣсть князя Ивана Андреевича Хворостинина // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 525–558.
21. Золотова Г.А. О синтаксических свойствах имен качества // Синтаксис и стилистика. М. : Наука, 1976. С. 130–160.

22. Временник Ивана Тимофеева // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 261–472.
23. Сказание о царствѣ Феодора Иоанновича // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 755–836.
24. Сказание о Гришке Отрепьеве // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 713–754.
25. Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М. : Худ. лит., 1986. С. 22–73.
26. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 346 с.
27. Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 473–524.
28. Плачь о плѣнении и о конечномъ разореніи Московскаго государства // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 219–234.
29. Такъ называемое Иное Сказаніе // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 1–144.
30. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М. : Наука, 1985. 228 с.
31. Новая повесть о преславномъ Россійскомъ царствѣ и великомъ государствѣ московскомъ // Русская историческая библиотека. СПб. : Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Т. XIII. Стб. 187–218.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 15 августа 2018 г.

Semantics of Cause and Evaluation in Two-Part Constructions with Nominal Participle in Ancient Russian Texts with Semantics of Power of the 16th and 17th Centuries: “Inner World / External World”

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 439, 33–43.

DOI: 10.17223/15617793/439/5

Tatiana V. Mikhaylova, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ta.rada@mail.ru

Alexey V. Mikhaylov, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: avm_2006_64@mail.ru

Keywords: Russian journalism of 16th and 17th centuries; Time of Troubles; evaluation of power; expression of evaluation; causal relations; nominal participles; two-part structures; inner world of man; external actions of person.

The authors are interested in the construction of ideological and axiological meanings in the ancient Russian texts of the time of the autocratic government formation in Russia, which are united by the discussion of the legitimacy of the Tsarist government, its origin, the qualities of a worthy Tsar. The aim of the article is the explication of the ways to justify the evaluation and manifestation of the causes of states and actions, interdependence of internal experiences and external actions of the characters. The work deals with constructions containing the nominal participle in the Old Russian texts of the 16th–17th centuries that discuss the events of Moscow Rus which led to the Time of Troubles. Most of these texts were published on the basis of manuscripts in Volume 13 of the series *Russian Historical Library* in 1891. Among the authors are S.I. Shakhovskoy, I.M. Katyrev-Rostovsky, Avraamy Palitsyn, Ivan Timofeyev and others. To identify the points of view on the Tsarist government and their development, the texts of the preceding period were also drawn: the correspondence of Tsar Ivan IV with Prince Andrey Kurbsky, the works of Ivan Peresvetov, the composition of the 16th century “On the Causes of the Death of Kingdoms”. The authors also use the works of L.P. Yakubinsky, T.P. Lomtev, E.I. Korotayeva, S.D. Nikiforov, M.V. Lyapon, G.A. Zolotova, N.D. Arutyunova, E.M. Wolf, T.V. Shmelyova and other researchers. The method of semantic-syntactic analysis is used in the work. The authors consider two-part constructions with nominal participles expressing the correlation of causes and evaluation of phenomena and persons, qualities of the Tsar’s power and its bearers. The study is based on a total analysis of the above texts. The spectrum of semantic and syntactic constructions used to describe the causes of the internal state of the characters, their external (physical, speech, mental) actions is revealed; the methods of evaluation are determined. A classification of causal-evaluative statements with nominal participles is proposed. They are treated as multipropositional structures, each of their propositions may be expressed by a personal verb and a nominal participle. Depending on the meanings presented in the parts of the statements, three groups are distinguished: (1) “inner world / external world”, 2) “inner world / inner world” and 3) “external world / external world”. The authors come to the conclusion that the semantics of causation and evaluation is expressed in an interrelated way in the analyzed texts. Grammatical-syntactic varieties of the model for expressing reasons and evaluations are revealed, in particular, with the semantics of ‘quality of the soul’, ‘desire’, ‘feelings’ (love, hatred, fear) in the first part and ‘result’ in the second.

REFERENCES

1. Salmina, M.A. (1954) “*O prichinakh gibeli tsarstv*”, *sochineniye nachala XVII veka* [“On the causes of the death of kingdoms”, an early 17th-century work]. In: Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 10. Moscow; Leningrad: USSR AS.
2. Peresvetov, I. (1973) *Skazanie o Magmete saltane* [Legend of Magmet Saltan]. In: Gudziy, N.K. (ed.) *Khrestomatiya po drevney russkoy literature* [Anthology on ancient Russian literature]. Moscow: Prosveshchenie.
3. Peresvetov, I. (1984) *Sochineniya Ivana Semenovicha Peresvetova: Bol'shaya chelobitnaya Peresvetova* [Works by Ivan Semenovich Peresvetov: Peresvetov’s Great petition]. In: Likhachev, D.S. & Dmitriyev, L.A. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi: konets XV — pervaya polovina XVI veka* [Monuments of literature of Ancient Russia: the end of the 15th – the first half of the 16th centuries]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
4. Val'denberg, V.E. (2008) *Istoriya vizantiyskoy politicheskoy literatury v svyazi s istoriey filosofskikh techeniy i zakonodatel'stva* [The history of Byzantine political literature in connection with the history of philosophical currents and legislation]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
5. Karavashkin, A.V. & Yurganov, A.L. (2003) *Opyt istoricheskoy fenomenologii: Trudnyy put' k ochevidnosti* [The Experience of Historical Phenomenology: A Difficult Way to Obviousness]. Moscow: RSUH.
6. Lur'e, V.M. (2010) *Russkoye pravoslavie mezhdru Kievom i Moskvoy. Ocherk istorii russkoy pravoslavnoy traditsii mezhdru XV i XX vekami* [Russian Orthodoxy between Kiev and Moscow. An outline of the history of Russian Orthodox tradition between the 15th and 20th centuries]. Moscow: Tri kvadrata.

7. Klyuchevskiy, V.O. (1988) *Sochineniya v devyati tomakh. Kurs russkoy istorii* [Works in nine volumes. Course of Russian History.]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
8. Likhachev, D.S. (1951) *Problema kharaktera v istoricheskikh proizvedeniyakh nachala XVII v.* [The problem of character in historical works of the beginning of the 17th century]. In: Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Russian Literature]. Vol. 8. Moscow; Leningrad: USSR AS.
9. Derzhavina, O.A. (1946) *Analiz obrazov povesti XVII veka o tsareviche Dimitrii Uglichskom (Ukaz "Povest' XVII veka o tsareviche Dimitrii Uglichskom")* [An analysis of the images of the story of the 17th century about Tsarevich Dimitriy Uglichsky (From the dissertation "The Tale of the 17th Century about Tsarevich Dimitry of Uglich")]. In: *Uchenye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta im. V.P. Potemkina* [Scientific notes of the Moscow City Pedagogical Institute named after V.P. Potemkin]. Vol. VII. Part 1. Moscow; Leningrad: Moscow City Pedagogical Institute.
10. Lyapon, M.V. (1986) *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst: K tipologii vnutritektstovykh omosheniy* [The semantic structure of a complex sentence and the text: To the typology of intra-text relations]. Moscow: Nauka.
11. Yakubinskiy, L.P. (1953) *Istoriya drevnerusskogo yazyka* [History of the Old Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz.
12. Lomtev, T.P. (1956) *Ocherki istoricheskogo sintaksisa russkogo yazyka* [Essays on the historical syntax of the Russian language]. Moscow: Uchpedgiz.
13. Korotaeva, E.I. (1964) *Soyuznoe podchinenie v russkom literaturnom yazyke XVII veka* [Syndetic subordination in the Russian literary language of the 17th century]. Moscow; Leningrad: Nauka.
14. Nikiforov, S.D. (1952) *Glagol, ego kategorii i formy v russkoy pis'mennosti vtoroy poloviny XVI veka* [The verb, its categories and forms in the Russian written language of the second half of the 16th century]. Moscow: USSR AS.
15. Shmelyova, T.V. (1995) *Sub'yektivnye aspekty russkogo vyskazyvaniya* [Subjective aspects of the Russian propositions]. Philology Dr. Diss. Moscow.
16. Prokhorov, G. M. (1987) *Pamyatniki perevodnoy i russkoy literatury XIV – XV vv.* [Monuments of translated and Russian literature of the 14th–15th centuries]. Leningrad: Nauka.
17. Chernaya, L.A. (1995) *Vzglyad na chelovecheskuju prirodu v drevnerusskoy literature.* In: *Drevnerusskaya literatura: izobrazhenie prirody i cheloveka* [Old Russian literature: the image of man and nature]. Moscow: Naslediye.
18. Shakhovskoy, Semyon Ivanovich, knyaz'. (1891) *Povesti* [The stories of Knyaz' Semyon Ivanovich Shakhovskoy]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
19. Katyrev-Rostovskiy, Ivan Mikhaylovich, knyaz'. (1891) *Povest' po spisku Imperatorskoy Publichnoy biblioteki* [The Stories of Knyaz' Ivan Mikhailovich Katyrev-Rostovsky under the list of the Imperial Public Library]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
20. Khvorostinin, I.A (1891) *Povest' [Story]*. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
21. Zolotova, G.A. (1976) *O sintaksicheskikh svoystvakh imen kachestva* [On the syntactic properties of quality names]. In: *Sintaksis i stilistika* [Syntax and stylistics]. Moscow: Nauka.
22. Timofeyev, I. (1891) *Vremennik* [Timeline]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
23. Anon. (1891) *Skazanie o tsarstve Feodora Ioannovicha* [Legend of the kingdom of Feodor Ioannovich]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
24. Anon. (1891) *Skazaniye o Grishke Otrep'yev* [Legend of Grishka Otrep'yev]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
25. Groznyy, I. (1986) *Pervoye poslaniye Kurbskomu* [The first message of Ivan the Terrible to Kurbsky]. In: Dmitriev, L.A. & Lihachev, D.S. (eds) *Pamyatniki literatury Drevney Rusi. Vtoraya polovina XVI veka* [Monuments of the literature of Ancient Russia. The second half of the 16th century]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
26. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka, sobytie, fakt* [Types of language meanings: evaluation, event, fact]. Moscow: Nauka.
27. Palitsyn, A. (1891) *Skazanie ob osade Troitse-Sergieva monastyrja* [Legend of the siege of the Trinity-Sergius Monastery]. In: Platonov, S.F. (ed.) *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
28. Platonov, S.F. (ed.) (1891) *Plach' o plenii i o konechnom razorenii Moskovskago gosudarstva* [Lament on the Capture and Final Destruction of the Moscow State]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
29. Platonov, S.F. (ed.) (1891) *Tak nazyvayemoye Inoye Skazanie* [A So-called Different Story]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.
30. Vol'f, E.M. (1985) *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation]. Moscow: Nauka.
31. Platonov, S.F. (ed.) (1891) *Novaya povest o preslavnom Rossiyskom tsarstve i velikom gosudarstve Moskovskom* [A new story about the glorious Russian kingdom and the great state of Moscow]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library]. Vol. XIII. St. Petersburg: Arkheograficheskaya komissiya; Tipografiya I.N. Skorokhodova.

Received: 15 August 2018